

Пока человек не полюбит зверя, часть его души
остаётся непробужденной.

Анатолий Франс, нобелевский лауреат, 1921

Жираф — самое прекрасное и величественное
из виденных мною созданий... Принц всех зверей.

Джон Сэндерсон, путешественник, 1595

«Нью-Йорк уорлд-телеграм»

22 сентября 1938 года

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ ЖИРАФОВ ПОСРЕДИ БУРИ

Нью-Йорк. 22 сентября (спецвыпуск). Сегодня утром, после Великого урагана, обрушившегося на Западное побережье накануне, пароход «Робин Гудфеллоу» причалил в Нью-Йоркской бухте с двумя выжившими жирафами на борту...

Выдержки из новостных заметок за 23 сентября 1938 года

Мы стали свидетелями одного из редчайших случаев выживания в бурю. Грузовой пароход «Робин Гудфеллоу» неподалеку от берегов Гаити попал в самый эпицентр разрушительного шторма. По словам свидетелей, волны поднимались так высоко, что закрывали собой небо, рыбы взмывали в воздух, а ветер превращался в водяной смерч.

Моряки стояли на палубе и беспомощно смотрели, как их товарищей

одного за другим пожирает бездна. Оставшиеся в живых члены экипажа вынуждены были спрятаться в каюты, и у них не осталось иного выбора, кроме как бросить двух жирафов Баринго¹ в клетках на растерзание стихии...

За считанные минуты корабль накренился вправо и оставался в таком положении в течение шести часов, под напором волн и ветра, а когда ураган прошел, судно резко выпрямилось. На палубе остался один несчастный жираф в покореженной клетке. Остатки клетки его товарища были найдены у самого борта вместе с другим мусором, а рядом лежало мертвое тело гигантского зверя. Экипаж собрался было выкинуть его за борт, но тут поверженное создание зашевелилось и открыло глаза...

¹ Также этот редкий подвид называется «жираф Ротшильда». От других подвидов отличается окраской и количеством рожек — у жирафов Ротшильда их пять. — *Примеч. перев.*

*Я знавал немного настоящих друзей,
и двое из них были жирафы...
Вудро Уилсон Никель*

Пролог

Вудро Уилсон Никель умер в 2025 году, в самый обычный день, самым обычным образом, но в необычном возрасте — сто пять лет.

Целый век да еще никель².

Юная сотрудница Ветеранского госпиталя, которой поручено было собирать вещи умерших пациентов и передавать их родне — в случае Вудро Уилсона Никеля речь шла о древнем армейском сундуке, а живых родственников не осталось и вовсе, — стояла посреди его опустевшей палаты.

Девушка посмотрела на часы — выбиваться из графика не хотелось. Должностные обязанности заставляли ее чувствовать себя эдакой хранительницей прошлого, особенно когда приходилось иметь дело с теми, кто прожил долгую жизнь — сто лет, а то и больше. Такие сундуки были только у этих долгожителей, и хуже всего, когда их некому

² Никелем в США часто называют монетку в пять центов. — *Примеч. перев.*

было отдать. Они наполнились смертным духом, почившим вместе со своим хозяином, и девушке казалось, будто она собственными глазами видит, как прошлое растворяется без остатка. Она глубоко вздохнула и подняла крышку, ожидая увидеть под ней старую военную форму, покрывшуюся плесенью, и поблекшие фотографии. А увидела жирафа.

Сундук был полон линованных листов для записей — десятки перевязанных бечевкой стопочек. Сверху на этой бумажной кипе лежала пожелтевшая газетная вырезка и жирафик — маленькая фарфоровая фигурка, сувенир из зоопарка Сан-Диего. Девушка не сдержала улыбки и взяла его в руки. В детстве, когда эти милые гиганты еще не были так редки, как сегодня, она видела в зоопарке целую жирафью семью.

Она осторожно положила жирафика на место и хотела было отложить в сторону верхнюю стопку бумаг, но ее внимание привлек крупный стариковский почерк на первой страничке. Она опустилась на край кровати и пробежала листок глазами.

Я знавал немного настоящих друзей, и двое из них были жирафы: один из них чуть не затоптал меня до смерти, а другой спас мою ничего не стоящую сиротскую жизнь — да и вашу, драгоценную, тоже.

Их обоих давно нет в живых. А скоро на покой уйду и я, и едва ли это будет большая потеря.

Но по телевизору только что сказали, что в ближайшее время в мире вовсе не останется жирафов: они исчезнут, как тигры, слоны и странствующие голуби, которых раньше было до того много, что, когда они взлетали ввысь, все небо темнело. И хотя я саданул кулаком по экрану, чтобы заткнуть эти разглагольствования, боюсь, что так все и будет.

Но я знаю, что на свете есть вы. И эта история не только про и меня, но и про вас. И если она канет в небытие вместе с моим бранным телом, это будет страшная несправедливость, виноват в которой лишь я. Ибо если я и видел лик самого Господа, то лишь в минуты, когда всматривался в величественные морды жирафов. И если я и должен оставить после себя наследие — то вот оно, в этой истории, написанной ради них и вас.

Так что запишу все поскорее, пока еще не поздно и есть шанс, что добрая душа прочтет эти строки и донесет их до вас.

Тут девушка развязала бечевку на первой стопке бумаг и, напрочь позабыв о своем графике, погрузилась в чтение...

...Я старше, чем мир.

А ежели ты старше, чем мир, то порой и случается заплутать во времени, в памяти, даже в пространстве.

Я сижу в своей маленькой комнатке в окружении стен и не могу отделаться от чувства, что меня... нет. Даже не знаю, сколько я вот так просидел. Должно быть, весь вечер, а потом очнулся ненадолго от туманного забытья и обнаружил себя среди других стариков, рассеявшихся перед навороченным телеэкраном. Помню, как человек на экране стал рассказывать про последних жирафов на планете и как я кинулся на своем кресле-каталке, чтобы врезать ему хорошенько. Помню, как меня тут же откатали назад, как медсестра бинтовала кровоточащие костяшки. Помню, как санитар велел мне проглотить успокоительную таблетку, а я отказывался.

Но больше такого не повторится. Потому что прямо сейчас, стиснув карандаш в непослушных пальцах, я запишу одно воспоминание.

Не теряя больше ни секунды.

Я мог бы потратить последние часы здравомыслия на то, чтобы рассказать вам о Пыльном котле³. Или о войне. О французских пионах. Или о женах, коих у меня было немало. Или о могилах — их тоже было не счесть. Или о прощаниях — их была тьма-тьмущая. В самом конце пути эти воспоминания приходят ко мне на мгновение — если приходят вообще. Но среди них есть одно особое. Оно

³ Также встречается название Пыльная чаша. Имеется в виду серия разрушительных пыльных бурь, накрывших США и Канаду в 1930-е годы. В результате многие семьи потеряли близких, остались без крыши над головой и вынуждены были перебираться в другие города, чтобы хоть как-то себя прокормить. Особенно сильно пострадало фермерское хозяйство. — *Примеч. перев.*

всегда со мной, всегда живо, всегда рядом, всегда — от мрачного старта до сладостно-горького финиша — окрашено яркими красками, даже по прошествии стольких лет.

И вот еще что: Рыжик, Старик, славные мои Дикарь и Красавица — как же я по вам скучаю!

Мне остается только одно: закрыть изнуренные глаза на кратчайшее мгновение.

И история начнется.

Нью-Йоркская бухта

Лодки взлетели на воздух, по улицам понеслись бурлящие реки, провода то и дело искрились, точно фейерверки, а целые дома под людские крики уносило в море. На календаре было 21 сентября — именно в этот день случился Великий ураган 1938 года. Все побережье, от Нью-Йоркской бухты до Мэна, так пострадало от морского шквала, что об этом еще долго слагались легенды. Семь сотен человек ушли под воду, точно рыбы, и обрели на дне последнее пристанище.

В те времена о разгуле стихии заранее не предупреждали. Ты просто замечал, как бушует море, и гадал, что принесет с собой вон то темное облако, а потом на город обрушивались шквалистый ветер и ливень и приходилось изо всех сил цепляться за жизнь. Доску причала, за которую я ухватился, оторвало и подкинуло в небо. Я пришел в себя в какой-то канаве оттого, что незнакомый бродяга пытался стащить с меня ковбойские сапоги. Увидев, что я восстал из мертвых, он вскрикнул и бросился наутек. Удивительно, но я был цел, разве что весь в синяках и крови, да и подтяжки куда-то делась. Так что пока весь живой мир кричал — кто молил о помощи, кто — о катафалке, — я вытер с лица

засохшую кровь, подтянул штаны и пускай и с немалым трудом, но поднялся на ноги.

Лодочный сарай, у которого я еще недавно стоял, унесло вместе с Казом, моим начальником и по совместительству четвероюродным братцем. Я нашел его среди кучи лодочных обломков — он лежал, проткнутый мачтой насквозь. Я — деревенский мальчишка-переросток со свежими шрамами на лице и огромным — размером с батат, получивший первый приз на сельской ярмарке, — родимым пятном на шее. Там и до бури смотреть было особо не на что. Хотя, признаться, тогда я выглядел получше. Сказал бы, что мне повезло, но в те времена я даже толком не знал, что такое везение. Сказал бы, что это был самый страшный день в моей жизни, но в ней бывали дни и пострашнее. Но могу заверить вас вот в чем. Мне тогда показалось, что на своем веку я уже не увижу ничего удивительнее этого урагана.

Но я ошибся.

Ведь последнее, что ожидаешь увидеть посреди разбитых в щепки лодок, домов, охваченных пламенем, и бездыханных тел, слушая нескончаемый вой сирен, — это парочку жирафов.

С моего прибытия сюда и полутора месяцев не прошло; мои разбойничьи легкие еще не успели очиститься от пыли из Котла. Да-да, сколь ни богобоязненна была моя матушка, я сделался самым настоящим деревенским разбойником: помыслы мои были не чище коровьей лепешки. Я был хитер, словно дикий кабан, и успел свести близкое знакомство с окружным шерифом. Пыль и грязь